

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО*
(1313 — 1375)
Итальянский писатель

Боккаччо родился в 1313 году, но где именно – в точности не известно.

Его дед и прадед были простые земледельцы и виноделы в Чертальдо, но по-видимому весьма зажиточные. Плоды трудов своих они сбывали во Флоренцию. Отец Боккаччо, не оставляя земельных участков в Чертальдо, сделался флорентийским купцом и очевидно пользовался у своих сограждан уважением,

потому что его неоднократно избирали членом разных советов и комиссий по общественным делам.

Достоверно известно, что отец Боккаччо был женат дважды, но различные биографы приводят весьма сложные и запутанные доказательства того, что Джованни родился в Париже от француженки, с которой отец Боккаччо, находившийся там в 1313 году по де-

*Рисунок из книги «History of the world» by J. W. Hall, ©World Publications Group Inc., 1988, 2002.

лам, имел тайную связь. Покинутая им, она будто бы вскоре умерла, а сын Джованни был увезен отцом в Чертальдо.

Когда Джованни было семь лет, отец отдал его в латинскую школу грамматика (как назывались тогдашние учителя) Джованни да Страда. Здесь, под руководством почтенного учителя, Боккаччо получил довольно порядочное по тогдашнему времени образование, давшее ему впоследствии возможность продолжать свои занятия гуманитарными науками.

Однако курса в этой школе он не кончил. Отец не хотел сделать из него ученого, а предназначал к торговой деятельности. Поэтому он перевел его сначала на короткое время в торговую школу, а затем отдал для изучения торговли в контору одного купца. С этого времени начинается для мальчика ряд постоянных душевных страданий. Одержимый пылкой фантазией, с поэтическими наклонностями, с жадной творческой, художественной деятельности, Боккаччо не мог примириться и освоиться с торговой деятельностью, и отец, вероятно убедившись в бесполезности дальнейшего принуждения его к занятию торговлей, взял его от купца.

Но как человек практический и стремящийся к достижению богатства, старик Боккаччо желал, чтоб сын его избрал во всяком случае прибыльный род деятельности, и заставил Джованни заняться изучением канонического права.

Сначала этот переход, быть может, и понравился Джованни, но так как строго логические, сухие, не дающие материала для фантазии юридические науки не могли удовлетворить поэта, то Боккаччо очень скоро начал тяготиться и этого рода занятиями. Однако по воле его отца они продолжались около шести лет.

Таким образом можно установить более или менее определенно следующие даты: Боккаччо родился в 1313 году; в 1320 году он

поступил в школу грамматика Джованни да Страда, около 1324 года перешел в коммерческую школу, а в 1326 году поступил в купеческую контору. В 1330 году он, вероятно по делам своего хозяина, переселяется в Неаполь, где в 1332 году оставляет торговую деятельность и занимается изучением канонического права; в апреле 1338 года в церкви Св. Лаврентия встречает в первый раз Фьяметту и вскоре затем прекращает свои научные занятия.

С переездом в Неаполь он вступает на более самостоятельный путь.

Неаполь занимал в то время выдающееся место среди городов Италии и был как в политическом, так и в культурном отношении руководящим центром. Милан и Флоренция были заняты внутренней борьбой партий; Генуя и Венеция оспаривали друг у друга первенство в мировой торговле и были всецело поглощены этой борьбой; Пиза, Болонья, Сиена и другие города стояли вообще на втором плане, а Рим, оставленный папами ради Авиньона, спал тихим сном, грезя прошлым величием.

В Неаполе находился двор короля Роберта (из Анжуйской династии) – единственный королевский двор во всей Италии, сделавшийся благодаря личным качествам короля сборным пунктом выдающихся людей.

Король Роберт был одним из первых царственных меценатов, сам лично занимавшийся поэзией и науками, и в особенности поощрявший ученых и поэтов. Он торжественно короновал лавровым венком Петрарку и дал ему титул поэта (за что конечно был прославляем Петраркой, а позднее и Боккаччо).

Среди политических событий этого времени видную роль играл флорентиец Николай Аччъяйоли. Его предки, родом из Брешии, переселились во Флоренцию еще во времена древне-римского владычества и занимались обширной торговлей. Богатство их вскоре достигло колоссальных размеров, а вместе

с этим члены этой фамилии стали занимать видные места и при дворах не только в Италии, но и в Греции и в Византии, не оставляя в то же время и своей торговой деятельности, распространившейся по всем известным в то время странам Европы и даже Африки.

По прибытии в Неаполь Боккаччо, будучи сыном уважаемого во Флоренции купца, отыскал своего земляка, уже имевшего достаточно видное положение при дворе, а Аччьяйоли еще не был тогда настолько знатен, чтобы быть недоступным. В одном из писем Боккаччо, относящемся ко времени его первого пребывания в Неаполе, можно видеть, какое впечатление производил тогда на молодого Боккаччо его соотечественник, смело и уверенно шедший к высокой цели.

Через Аччьяйоли Боккаччо получил доступ в высшие слои неаполитанского общества. То обстоятельство, что Боккаччо не принадлежал к аристократии, а был лишь сыном купца, не могло служить препятствием, ибо при итальянских дворах вообще было демократическое направление, а общество, составлявшее неаполитанский двор того времени, стояло выше сословных предрассудков как в хорошем, так и в плохом смысле слова.

Боккаччо не играл никакой деятельной роли в этом обществе, он был там приятным гостем, проницательным наблюдателем, и только. Из своего пребывания в высшем обществе Боккаччо вынес знакомство с его нравами и воспользовался этим богатым материалом в своих произведениях.

Хотя в своих стихах того времени Боккаччо рисует себя иногда в самом мрачном настроении, надо думать, что тогдашняя жизнь его в Неаполе прошла среди удовольствий, которые могли ему доставить его молодость, красота, некоторая обеспеченность и приятные знакомства.

Но в то же время годы, проведенные им тогда в Неаполе, были для него временем се-

рьезной и усердной работы.

Из его произведений того времени («Ameto», «Filicoro», «Amoroso Visione», «Te-seide» и др.) видно, какой начитанностью в мифологии и авторах древности он обладал. Если кое-что у него и оставалось в памяти от прежних знаний, приобретенных в школе Джованни да Страда, то все это было в Неаполе возобновлено и значительно пополнено. Кто были его учителями и руководителями в это время, определить нельзя: в Неаполе их могло найтись тогда немало. Но об одном из неаполитанских ученых того времени Боккаччо вспоминает с благодарностью, хотя он и не был для него собственно учителем. Это Павел Перуджинский, тогдашний библиотекарь короля Роберта, занимавшийся собиранием древних исторических материалов и составивший нечто вроде мифологическо-исторической энциклопедии, которая после его смерти была утеряна.

Занятия Боккаччо в Неаполе не ограничивались областью истории и филологии. Он занимался также астрономией и астрологией под руководством знаменитого в то время Андалондель Negro. Этот ученый, кроме своих теоретических знаний, отличался еще практическим знакомством с разными странами света, потому что объездил их лично, был не лишен и поэтического дарования и занимался также греческой литературой. Знакомство с ним обогатило Боккаччо многими познаниями, которыегодились ему впоследствии.

Важнейшим событием в жизни Боккаччо за время его пребывания в Неаполе была встреча с Фьяметтой. У Данте была Беатриче, у Петрарки – Лаура, для Боккаччо они олицетворились в образе Фьяметты с той разницей, что у него любовь к ней имела более земной и даже чувственный оттенок. История этой любви изложена самим Боккаччо в его произведениях «Ameto» и «Fiammetta», а отголоски ее встречаются почти во всех его со-

чинениях на итальянском языке.

Настоящее имя этой дамы, которую Боккаччо обессмертил под именем Фьяметты (от слова *fiatma*. – огонь, означает, собственно, огонек), было Мария. Она родилась в семье графа Аквино, занимавшего высокий пост при неаполитанском дворе, но была побочной дочерью короля Роберта. Ее мать, графиня Аквино, была весьма нравственной женщиной, но должна была однажды уступить преступной страсти короля Роберта, вынужденная к этому обстоятельствами. Родившаяся у нее после этого дочь была по желанию короля воспитана как дочь графа Аквино, по мать, умирая, открыла ей тайну ее рождения. Сначала Мария поступила послушницей в монастырь, но ее красота, обращавшая на себя всеобщее внимание, воспламенила сердце одного молодого и богатого дворянина; он стал добиваться руки Марии и, наконец, при содействии короля Роберта, женился на ней.

Имя мужа Фьяметты остается неизвестным. Он, очевидно, не принадлежал к числу выдающихся лиц в неаполитанском обществе и нигде не видно, чтоб он или Фьяметта принимали какое-нибудь участие в придворных интригах.

Во время первой встречи Боккаччо с Фьяметтой ему было 25 лет. Она была года на три старше его, но, если верить описаниям Боккаччо, она соединяла в себе все телесные и духовные совершенства и была сошедшим с неба на землю идеалом женской красоты: «золотистые длинные волосы, белые бархатные плечи, краска лилий и роз на лице, губы, как темные рубины, и глаза яркие, светящиеся как у свободного сокола».

Как долго длились отношения. Боккаччо с Фьяметтой, в точности неизвестно. В то время, когда он писал «Декамерон», т. е. около 1350 года, она, вероятно, была еще жива и продолжала пользоваться обожанием поэта. Но вскоре после того она умерла, потому что

в 1355 году Боккаччо подпал уже под влияние другой, неудачной любви, вызвавшей его сатиру «*Corbaccio*» – «Ворон».

Около 1339 или 1340 года Боккаччо должен был покинуть Неаполь и вернуться во Флоренцию по желанию своего отца, который перед этим похоронил жену и пожелал, чтоб Джованни помогал ему в делах.

Можно себе представить как тяжело было ему расстаться с возлюбленной Фьяметтой, с прекрасным Неаполем и с веселым и образованным обществом, в котором он там воспитался. И письма Боккаччо, и произведения его, написанные или начатые в этом периоде времени, свидетельствуют о мрачной скорби и угнетенном состоянии духа, в котором он тогда находился.

Только в 1344 или 1345 году Боккаччо мог, наконец, избавиться от тягостного пребывания во Флоренции и вернуться в Неаполь. Чем был вызван этот отъезд – неизвестно, но вероятнее всего, что отец его, женившийся в это время во второй (или третий) раз, не нашел удобным стеснять жизнь молодой жены пребыванием возле нее взрослого пасынка.

Второе пребывание в Неаполе не было для Боккаччо таким светлым и радостным, как первое. В политической жизни Неаполя происходили бури одна за другой: смерть короля Роберта, убийство мужа королевы Иоанны Андрея, следовавшие затем беспорядки, свадьба Иоанны с Людвигом Тарентским, нашествие венгров, бегство и возвращение королевской четы, чума – все это прошло перед глазами Боккаччо.

Его взгляды на события того времени и отношения к ним выразились в его латинских эклогах. Не называя имен, прикрываясь аллегорией, он оплакивал смерть короля Роберта, воздавая величайшую похвалу его деятельности, и вместе с тем с большой симпатией относился к убитому принцу Андрею, а королеву Иоанну выставил под видом волчицы, растер-

завшей принца на уединенной лесной тропинке.

В 1348 или 1349 году умер отец Боккаччо – во время свирепствовавшей тогда чумы. Мачеха умерла еще раньше, и Боккаччо был назначен опекуном своего младшего брата Якопо. Он отправился во Флоренцию, чтоб принять оставшееся на его долю и на долю Якопо наследство.

Это возвращение во Флоренцию отделяет резкой чертой последующую эпоху его жизни от предыдущей.

Когда Боккаччо вернулся во Флоренцию, она представляла город, наполовину вымерший, и носила на себе следы недавно пронесшегося бедствия.

Но благодаря энергичному характеру флорентийцев последствия недавних бед стали быстро сглаживаться, и Флоренция снова начала завоевывать свое прежнее политическое значение.

Боккаччо, живший прежде исключительно жизнью частного человека и поэта, начинает принимать участие в политической жизни родного города: флорентийская синьория избирает его своим послом к разным дворам и, между прочим, к папе.

Первое посольство Боккаччо было в Романью, затем ему было поручено съездить в Равенну, чтобы вручить десять золотых гульденов, неизвестно кем посланных, дочери Данте, жившей в равеннском монастыре Св. Стефана.

Эта поездка была предпринята им в конце 1350 года, а вскоре после нее Боккаччо принимал у себя приехавшего в то время во Флоренцию Петрарку.

Петрарка, отправляясь осенью 1350 года в Рим, направил свой путь через Флоренцию, в которой он до тех пор еще не был, так как родился и вырос в изгнании. Боккаччо, узнав об этом, послал ему навстречу приветственное стихотворение на латинском языке, а затем и сам лично вышел встречать его у городских

ворот. Эта первая встреча произошла в сумерки холодного октябрьского дня, и навсегда сохранилась в памяти обоих поэтов как светлое воспоминание: Петрарка упоминает об этой счастливой минуте в одном из писем к Боккаччо, написанном десять лет спустя,

По приезде из Флоренции в Рим Петрарка написал Боккаччо длинное письмо, и с тех пор между ними началась постоянная переписка, носившая характер не только обмена мыслей между двумя учеными и поэтами, но и дружеских бесед. Когда Петрарка писал к Боккаччо, он сходил со своего пьедестала и снимал свой венец славы.

Весьма вероятно, что совершившийся впоследствии у Боккаччо переворот в его отношениях к религии и церкви был подготовлен его беседами с Петраркой, которого он с величайшей почтительностью называл и учителем, и отцом, и господином.

Но когда в 1353 году Петрарка, всегда проповедовавший в античном, возвышенном тоне, что свобода есть величайшее благо, всегда восстававший против служения тиранам, сам поступил на службу к тирану миланскому Джованни Висконти – Боккаччо написал своему другу письмо, в котором резко порицал его за измену прежним убеждениям. ,

Нужно, впрочем, заметить, что едва ли у самого Боккаччо были очень ясно выраженные и последовательные политические взгляды, да и нельзя этого было требовать от людей того времени, когда вся Европа, а в особенности Италия, находилась в состоянии брожения и хаоса, и именно людям, прилагавшим к современным им событиям масштаб возвышенных идеалов и принципов, приходилось чаще всего глубоко разочаровываться.

К 1355 году относится неприятный эпизод в жизни Боккаччо, подавший ему повод к написанию его знаменитой сатиры «Согбассио». Поэт, которому было в то время уже за сорок лет, влюбился в молодую красивую вдову, но

его любовь была не только отвергнута, но и осмеяна со счастливым соперником. Боккаччо отомстил насмешнице, написав на нее едкую сатиру «Соббассио», что значит злой, отвратительный ворон. Эта знаменитая, выдающаяся по силе выражений и фантазии сатира, переходящая иногда не только границы эстетики, но и границы приличия, носит еще и побочное название «Лабиринт любви».

В этой сатире Боккаччо кажется настоящим женоненавистником, в котором никак нельзя узнать автора «Декамерона». Это писал как будто совсем другой человек. Здесь, может быть, есть отчасти и влияние Петрарки, который в позднейшие годы не особенно тепло смотрел на свои юношеские увлечения Лаурой, сделавшись ярким противником женщин, и если вспоминал о Лауре, то разве потому, что с его любовью к ней была связана его слава поэта.

Впрочем, и Петрарка, и Боккаччо были людьми своего времени. Они явились реформаторами всех средневековых воззрений, основателями культуры эпохи Возрождения, но во многом действовали бессознательно, в силу гения, который толкал их на этот путь, иногда, быть может, в противоречии с их убеждениями.

Весной 1359 года Боккаччо посетил все еще жившего в Милане Петрарку. Это свидание, после восьми лет разлуки, доставило обоим друзьям большое наслаждение, и Петрарка весьма неохотно отпустил Боккаччо назад, сетуя на кратковременность его пребывания у искренно расположенного к нему друга.

Вскоре после возвращения домой Боккаччо послал Петрарке собственноручно списанную им копию «Божественной комедии» Данте, приложив при этом латинское стихотворение, которым приглашал своего друга заняться изучением Данте, но Петрарка принял этот подарок довольно холодно.

В мае 1361 года умер в Сиене картези-

анский монах Пьетро Петрони, славившийся благочестивой жизнью и почитавшийся за святого. За две недели до смерти он впал в состояние экстаза, и ему являлись в видениях и радости рая, и муки ада. В одном из этих видений ему было дано, как он заявлял, повеление свыше обратиться с увещанием ко многим выдающимся людям того времени, в том числе к Боккаччо, и убедить их, чтобы они оставили свой грешный образ жизни и обратились на путь истинный. Умирая, он поручил исполнение этого дела своему ученику, монаху того же ордена, Джоакино Чиани, который тотчас же после смерти своего учителя отправился в путь и прибыл к Боккаччо во Флоренцию, вероятно, в июне 1361 года. Чрезвычайно характерной для того времени представляется встреча этих двух людей: с одной стороны, веселый творец «Декамерона», с другой – суровый проповедник покаяния; в лице их две различные эпохи и две различные культуры – аскетическое Средневековье и жизнерадостное Возрождение – вступали в борьбу друг с другом; эта борьба захватила целые поколения.

Чиани позаботился прежде всего убедит Боккаччо, что он явился посланцем от такого человека, который действительно был осенен откровением свыше, и достиг этого, открывая Боккаччо такие его сокровенные мысли, которых Боккаччо никогда никому не поверял.

Эта проповедь глубоко потрясла Боккаччо. Даже неверующего могло бы смутить то обстоятельство, что неизвестный ему монах, живший далеко, в другом городе, проник в тайны его души и прислал к нему такого пламенного увещателя; Боккаччо же был не только верующий христианин вообще, но и никогда не сомневался в догматах католицизма, хотя в юности и был, по-видимому, равнодушен к религии.

И теперь на него напало раскаяние во всем, что он нагрешил в прошлой жизни: вос-

помянутое о написанных им сочинениях и о многочисленных прижитых им незаконных детях мучили его.

Боккаччо решил посвятить себя религиозной деятельности, отказаться от дальнейших литературных занятий и, чтоб избежать всякого соблазна, сбыть куда-нибудь даже всю свою библиотеку. Он сообщил свое намерение Петрарке, прося его совета. Петрарка ответил ему длинным письмом, показывающим в нем как большую набожность, так и еще большее присутствие здравого смысла.

Петрарка сам был в то время весьма религиозно настроен, но ответил Боккаччо, что хотя в некоторых случаях видения и откровения при жизни и возможны для некоторых личностей, чему приводил даже примеры из латинских авторов, но что при этом бывают тоже обманы и ошибки, а поэтому Боккаччо не должен принимать с безграничным доверием всего, что ему наговорил Чиани; что предсказание скорой смерти вовсе не предсказание, потому что смерть ожидает каждого человека ежеминутно; что, конечно, полезно будет вести более благочестивый образ жизни, но что отказываться от поэзии нет никаких оснований, ибо то и другое отлично может совмещаться.

И Боккаччо отказался от мысли порвать окончательно со своим прошлым. Тем не менее известное «обращение» в нем до некоторой степени совершилось, и он писал иногда стихи нравоучительного характера.

Когда Чиани явился со своей проповедью покаяния, Боккаччо было только 48 лет, но он уже начинал стареть – более, чем это обыкновенно бывает с людьми его возраста; причиной этому была бурно проведенная молодость в связи с напряженными занятиями литературой.

Теперь, после своего «обращения», он думал только о спасении души.

По-видимому, вскоре после посещения Чи-

ани, а может быть, именно вследствие оказанного этим посещением влияния на настроение духа Боккаччо, Николай Аччьяйоли, вероятно желая предоставить Боккаччо возможность развлечься переменой места, пригласил его к себе в Неаполь. Боккаччо охотно принял это приглашение и в ноябре отправился туда в сопровождении своего брата, Якопо. Он ожидал встретить у могущественного, богатого, щедрого, дружески к нему расположенного великого сенешаля почетный прием и надеялся провести у него время, вспоминая прожитые в Неаполе дни молодости. Но вышло иначе.

Аччьяйоли был очень недоволен Боккаччо за то, что тот отказался от сделанного ему вместе с приглашением приехать предложения – написать хвалебную биографию Аччьяйоли. Боккаччо был принят весьма холодно, оказанное ему невнимание граничило с полным пренебрежением – по крайней мере, таким описывает его сам Боккаччо в письме к своему другу Франческо Нелли, бывшему у Аччьяйоли чем-то вроде гофмейстера.

Таким образом, пробыв несколько месяцев в некогда столь дорогим ему Неаполе, Боккаччо покинул его, огорченный. Но он не вернулся сразу во Флоренцию, а заезжал, по-видимому, в разные места, пока Петрарка, в это время тоже не имевший определенного места жительства, не поселился в конце 1362 года в Венеции. В мае следующего, 1363 года Боккаччо приехал к нему в гости и прожил у своего друга все лето.

О жизни Боккаччо в течение следующих двух лет не имеется никаких биографических сведений. Вероятно, это время он провел в своем родном Чертальдо за научными занятиями, потому что жизнь во Флоренции не представляла ничего привлекательного: с одной стороны, продолжались чума и раздоры партий, а с другой – банды наемных чужеземных солдат под предводительством авантюристов-кондотьеров вели за Флоренцию войну с Пи-

зой, и как вражеские, так и свои наемные войска одинаково опустошали Тосканскую область.

В конце лета 1365 года на Боккаччо возлагается дипломатическое поручение к папе в Авиньон. Принят при папском дворе он был очень хорошо, в особенности некоторыми оставшимися там еще друзьями Петрарки. Филипп Кабассель, престарелый патриарх Иерусалимский, публично, к немалому удивлению присутствовавших папы и кардиналов, обнял и расцеловал Боккаччо как старого дорогого друга.

В октябре того же года папа перенес свою резиденцию в Рим, и Боккаччо вскоре был вновь назначен послом к папе с целью принесения ему поздравления от флорентийцев по случаю возвращения папы в город, где ему всегда следовало быть. В послании, которое папа отправил к флорентийцам 1 декабря 1367 года, он, отзываясь с похвалой о Боккаччо, называет его «своим любезным сыном».

В начале 1371 года Боккаччо снова был в Неаполе, он посещал монастыри и библиотеки, отыскивая в них интересовавшие его старинные книги.

Старые друзья старались удержать его там, в особенности хлопотал об этом граф Гуго Сансеверино, старавшийся вызвать участие к Боккаччо в королеве Иоанне. Быть может, Боккаччо, который в это время успел совершенно обеднеть, и решил бы остаться в Неаполе, в качестве пенсионера графа или королевы, но, вероятно, боязнь попасть в зависимое положение, неудобства которого он уже испытал однажды у Аччъяйоли, да тоска по родной Флоренции, по родному Чертальдо и собранной долгими трудами библиотеке взяло верх, и Боккаччо снова вернулся во Флоренцию и Чертальдо.

Вскоре по возвращении, летом 1372 года, флорентийские граждане, быть может желая оказать материальную поддержку Боккаччо,

обратились к своему правительству с петицией устроить ряд публичных чтений для объяснения поучительной книги, известной под названием «Данте», поручив это дело какому-либо человеку, сведущему в поэзии, и назначив за эти чтения вознаграждение в сто золотых гульденов.

Эту петицию сеньория приняла большинством 186 голосов против 18, и Боккаччо, как человек, наиболее подходящий для этого дела и написавший уже ранее биографию Данте, был избран лектором, а местом чтений назначена церковь св. Стефана.

Сколько именно лекций было им прочитано – неизвестно, но в его тетради найдено 60 написанных отдельных лекций, тщательно обработанных, хотя различных по объему. К сожалению эти чтения не были доведены до конца. Последняя лекция, должно быть так и не прочитанная, обрывается на полуфразе семнадцатой песни «Ада».

Почти через год после начала этих чтений, 19 октября 1374 года, Боккаччо получил от Франческо да Броссано, зятя Петрарки, печальное известие – Петрарка скончался. Это известие глубоко потрясло Боккаччо. В Петрарке он потерял близкого друга, учителя и любимого поэта, и притом в такое время, когда ему самому в близком будущем угрожала смерть. Это ожидание собственной смерти сказывается и в письме, которое Боккаччо написал к Франческо в ответ на его извещение о смерти Петрарки. «Он не ушел от нас, – пишет Боккаччо, – а только ушел раньше нас туда, куда и мы вскоре последуем за ним».

Из этого письма Боккаччо также узнаем, что он должен был прервать свои чтения о Данте вследствие болезни, докучной и мучительной, и по настоянию своих друзей удалиться в Чертальдо. Там он пребывал в вынужденном бездействии, мучимый постоянной лихорадкой, в борьбе между жизнью и смертью. «Прежде я был толст, – пишет он, – те-

перь же совсем сморщился, цвет лица изменился, глаза потускнели, колени подгибаются, руки дрожат».

Ко времени его последнего пребывания в Чертальдо относится отдельная новелла «Urbano», написанная им (как видно из вступления к ней) чтобы рассеять мрачные мысли, вызванные в поэте его болезнью и смертью Петрарки. Полагают, что почувствовав улучшение здоровья, Боккаччо возвращался на короткое время во Флоренцию в 1375 году для возобновления лекций о Данте, но вскоре опять заболел и удалился окончательно в Чертальдо, где и умер 21 декабря 1375 года. Согласно его завещанию, он погребен в Чертальдо, в церкви св. Иакова.

Его могила была покрыта мраморной плитой с поясным изображением поэта и герба его рода, а на стене над этой плитой вырезана написанная им самим эпитафия, четырехстишие на латинском языке. В 1783 году, вследствие неправильно понятого закона о погребении в церквях, плита эта была сломана и обломки ее, как не имеющие ценности, затеряны. Были вынуты при этом также и кости Боккаччо, насколько они еще сохранились тогда, а вместе с костями найден в могиле металлический цилиндр с несколькими свитками рукописей на пергаменте. Куда девались эти реликвии – неизвестно. Вероятно ими воспользовался тогдашний священник прихода св. Иакова Франческо Контри, но после смерти Контри от них не осталось и следа. В 1825 году были предприняты в Чертальдо официальные розыски останков Боккаччо, но ничего не было найдено, и только одна оставшаяся в живых старуха-экономка покойного священника Контри сообщила, что ее господин хранил у себя череп Боккаччо и показывал его своим друзьям.

После Боккаччо не осталось потомства. Его побочные дети, неизвестно когда и с кем прижитые, но упоминаемые им под вымыш-

ленными именами в 14-й эклоге, умерли раньше его. Как видно из одного письма к Петрарке, у Боккаччо была дочка Виоланта, которую он очень любил и которая умерла на шестом году.

В заключение еще несколько слов о литературном значении Боккаччо. Слишком скромный в признании своих заслуг, он сопоставляя свою деятельность с деятельностью Данте и Петрарки, считал себя гораздо ниже их.

По его словам, он «с большой смелостью вступил на путь, проторенный Петраркой, но лишь издали видел возвышающиеся до небес вершины и, оробев, потерял силы идти далее; никогда не был он поэтом, хотя и напрягал все свои силы сделаться им».

Между тем его смело можно считать основателем того рода литературы, который позднее приобрел наибольшую популярность – беллетристики всех родов.

«Декамерон» послужил образцом для новеллистов и рассказчиков позднейших времен, а его роман «Фьяметта», сделался прототипом современного романа.

Парадокс истории заключается в том, что признавая аллегорию, и притом в стихах, почти единственной достойной формой поэтических произведений, Боккаччо неосознанно сделался родоначальником романистов-прозаиков. Точно так же, создавая итальянский литературный язык, он считал, наиболее достойным поэта язык латинский.

Аллегория в латинских стихах – вот идеал литературного произведения по Боккаччо.

Но по счастью судьба толкнула Боккаччо на другой путь, и он, бессознательно и даже как бы вопреки этим своим взглядам, сделался основателем беллетристики вместо аллегории и отцом итальянского прозаического языка, вытеснившего латинский. Да и само содержание его аллегорических произведений носит на себе печать двух культур – средне-

вековой и античной.

И хотя это единение двух культур и дало
впоследствии немало «гнилых» плодов, но оно

во всяком случае вырвало Европу из средне-
векового невежества и мрака.